

were created, or else acquired management responsibilities, for certain aspects of forestry policy during the Stalinist period as priorities shifted, thus complicating oversight in this area. Somewhat inevitably, the underperformance of the forestry sector during the early stages of the first five-year plan strengthened the position of industry and resulted in the promotion of VSNKh and the industrial lobby more broadly. However, rather than a gradual increase in the strength and influence of the industrial lobby during the 1930s to the detriment of forested areas, as might be expected, the state reasserted the importance of conserving forested areas. This approach was linked to a complex array of factors, yet a key element was the historically-rooted notion of 'forested land being healthy land' and an acknowledgement that forests played an important role in regulating natural systems. This emphasis was simultaneously reflected in the establishment of, for example, the Main Administration of Forest Protection and Afforestation (GLO). As Brain notes, such changes ensured that Morozov's ideas had at least some room to 'breathe'.

The Great Stalin Plan for the Transformation of Nature internalised much of the tension between the 'technocratic ecologists' and the industrial lobby groups. The project's efforts to influence the climate of a significant area of southern European Russia in order to facilitate agricultural development via the establishment of vast forest shelterbelts embodied certain conservationist elements. At the same time, the intervention of Lysenko and his advancement of the universal 'nest-method' in order to accelerate the process of shelterbelt creation undermined the local and intensive method of forest management espoused by Morozov and his followers in favour of a generalised, and ultimately largely ineffective, approach. It would seem that a reversion to a more differentiated approach was likely following a series of critical scientific expeditions to review the progress of the plan. However, the death of Stalin brought a relatively swift end not only to the plan, but also to the broader current of technocratic environmentalism within the Soviet forestry sector.

Ultimately, Brain's effort to both resist and question easy characterisations of Russian approaches to the management of the wider environment opens up a stimulating debate over the production of state forestry policy during the first half of the twentieth century and the associated complex interaction of competing factions within academic, government and economic circles. It is a thought-provoking reading and a very welcome addition to the developing field of Russian environmental history.

К теории структуры и устойчивости сообществ²

А.К. СЫТИН

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
astragalus@mail.ru

Геоботаник Станислав Михайлович Разумовский (1929–1983) строил строгую и непротиворечивую концепцию динамики растительного покрова, начиная с дипломной работы «Отношения дуба и ели в Московской области» (1951–1952). Время показало,

² Рецензия на книгу: *Разумовский С.М. Труды по экологии и биогеографии (Полное собрание сочинений)*. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2011. 722 с.

что выявленные им закономерности и основные понятия находят универсальное применение и распространяются на всю биосферу. Признание и деятельную поддержку своих трудов он получил в конце 1970-х гг. со стороны широко образованных биологов-эволюционистов, специализировавшихся на изучении структуры сообществ. Главным образом, это были зоологи, ботаники же в своём большинстве составляли оппозицию, и появление в печати книги «Закономерности динамики биоценозов» (1981) вызвало ожесточённую полемику. Структуралистский подход автора, уже давно разрабатываемый в гуманитарных дисциплинах, с трудом проникал в естественные науки.

Сейчас, когда многие работы Разумовского опубликованы, странно читать в предисловии к данной книге, написанном зоологом и биогеографом И.А. Жирковым, ответственным редактором издания, что его имя «подавляющему большинству биологов незнакомо». Это суждение, пожалуй, справедливо для биологов зарубежных. Отечественным же это имя известно, но далеко не всем доступны его труды, изданные малыми тиражами. Но даже среди тех, кто их освоил, нередко повторяется мнение, что Разумовский лишь последователь американского ботаника Ф. Клементса (Frederick Clements, 1874–1945), развивающий концепцию моноклимакса и сукцессионных рядов растительных сообществ. Однако это далеко не исчерпывает широты исследовательских поисков Разумовского. «Теория С.М. Разумовского основана на признании того, что большая часть совместно обитающих видов влияет на эволюцию друг друга. Коэволюция совместно обитающих видов приводит к образованию ассоциаций видов. Эти ассоциации являются элементарной структурной единицей биосферы», — пишет автор предисловия И.А. Жирков (Предисловие. С. 3). На объективности выделения именно этой единицы в рамках разных фитосоциологических школ и направлений настаивал и сам Разумовский в соавторстве с К.В. Киселёвой в тезисах «Динамика растительного покрова и возможность классификации сообществ» (1971). С позиций полувекowego опыта синдинамики — утверждают авторы «растительный покров любого района с биологически однородным климатом (т.е. территория элементарной флоры А.И. Толмачёва) представляет собой жестко детерминированную гомеостатическую систему» (С. 394). В этой же работе заявлена методология, принципиально меняющая подходы к изучению растительного покрова: «Стандартные пробные площадки в принципе непригодны как объекты классификации. Первым шагом в классификации должно явиться изучение сукцессии» (С. 393). Не континуум, а дискретность единиц растительного покрова составляет задачу полевого исследователя, решаемую в данном случае преимущественно флористическими методами, требующими основательных знаний о видах конкретной географической территории, множества описаний сообществ и сравнительного анализа списков входящих в их состав видов. Стереотип разделения на «флору» и «растительность» целостного растительного покрова устойчив. Понятие «флора как система», введённое в науку еще В.И. Коржинским и развиваемое последователями А.И. Толмачёва в сравнительном изучении флор, и более других — Б.А. Юрцевым, признано немногими из практикующих флористов.

Важно подчеркнуть, что среди фундаментальных теоретических положений Разумовского, наиболее оригинален, как мне кажется, его подход «разделения флоры на две части — ценофильную, организованную в сукцессионную систему, и ценофобную, представленную

С.М. РАЗУМОВСКИЙ

ТРУДЫ
ПО ЭКОЛОГИИ
И БИОГЕОГРАФИИ

в общем виде не только сорными, рудеральными и адвентивными видами» (С. 11) — пишут К.В. Киселёва и О.Г. Чертов в предисловии к более раннему изданию избранных трудов Разумовского³. Это разделение четко предписывает использовать для целей классификации растительного покрова и районирования лишь ценофильные виды. С другой стороны, ценофобные виды, которые составляют резерв изменчивости и потенциальной эволюции, который «в случае катастрофического разрушения существующих систем, может войти в состав новых. Поэтому ценофобные виды, не имеющие отношения к сукцессионной системе и подчиняющиеся совершенно иным законам, тем не менее, являются неотъемлемым и полезным компонентом географического ландшафта» (Разумовский, 2011, с. 417). Наблюдения автора этой рецензии над видами крупнейшего среди цветковых растений рода астрагал (*Astragalus* L.) — на их способности образовывать биотические связи и составлять ассоциации, о возможности причисления их к «верным видам» сообществ и формаций, о возможности их отнесения к «верным» видам сообществ и формаций, о темпах и формах видообразования в этом огромном и по преимуществу «ценофобном» роде убеждает в существовании указанных Разумовским «иных законов».

Вот ещё один пример утверждения С.М. Разумовским собственных взглядов в полемике с положениями гипотезы о послеледниковых изменениях климата голоцена, основанных на анализе пыльцевых спектров разрезов верховых торфяников.

Так, преобладание пыльцы ивы рассматривается как признак холодного климата («арктическое время»), сосны — тёплого и сухого («бореальное время»), дуба, ольхи и ели — влажного и тёплого («атлантическое время») и т.п. Даже если пыльцевые спектры и отражают в какой-то мере действительные количественные отношения пород в стране в целом, то эти данные вовсе не дают права однозначно судить об изменениях климата, поскольку они в первую очередь определяются стадиями сукцессий, нарушениями. <...> Сопоставление данных палеогеографии и палеоботаники позволяет говорить с уверенностью лишь о климатически обусловленных перестройках покрова в масштабе миллионов лет, связанных с чередованием так называемых геократических и талассократических периодов в истории Земли. Из двух растительных зон, в настоящее время существующих на территории нашей страны, зона темнохвойных лесов без заметных изменений существует не менее 5 млн лет, а зона летнезелёных лесов — не менее 50 млн лет. Правда, перед наступлением ледникового периода и после его окончания происходили перемещения границ зон, так что длительность существования в конкретной местности, конечно, меньше приведенных цифр. Однако скорость этих перемещений была невелика — в среднем около 70 см в год. На широте Москвы современные летнезеленые леса существуют около 12 000 лет. Однако следует учитывать, что мы, в сущности, живем в самом начале современного (послеледникового) климатического периода. Экстраполяция на основе той же палеогеографической схемы позволяет предположить, что сукцессионная система Подмосковья будет существовать здесь, по крайней мере, еще несколько десятков миллионов лет.

Таким образом, длительность экогенетических сукцессий обычно преувеличивается, а длительность существования сукцессионных систем столь же сильно преуменьшается. В действительности первая величина измеряется тысячами, а вторая — миллионами лет. Это означает, что самая медленная сукцессия все же успеет восстановить разрушенный климакс тысячи раз, прежде чем изменение климата не уничтожит всю сукцессионную систему в целом и не вызовет

³ Рец. на кн.: Разумовский С.М. Избранные труды М.: Тов-во научных издательств КМК, 1999. 560 с.

возникновение нового климакса и нового сукцессионного ряда. Следовательно, климат Земли достаточно стабилен для того, чтобы обеспечить эффективную работу сукцессионных систем (Разумовский, 2011, с. 78).

Объем цитируемого текста в данном случае может быть оправдан важностью темы. Напомню, что этот текст Разумовский создавал в годы волонтаристских государственных мер, направленных на «преобразование» природы, в том числе и печально известного проекта переброски вод сибирских рек в пустыни Средней Азии. Неграмотные мелиоративные работы губили некогда плодородные земли, вырубались леса, степи превращались в бесплодные пустыни. В настоящее время наблюдается обратный процесс — заброшенные поля зарастают лесом, однако этот процесс протекает столь же нерегулируемым образом, как и катастрофические лесные пожары.

Поэтому отсутствие в нашем обществе фигуры масштаба С.М. Разумовского, сочетавшего глубину исследователя с твердостью гражданской позиции, ощущаешь как горькую утрату, а появление полного собрания его трудов — как радостное событие.

Издатели вложили в книгу много труда — тексты хорошо отредактированы. В частности, они рискнули нарушить обыкновение ботанических пуристов использовать исключительно латинские названия видов растений, пренебрегая названиями русскими (ему следовал и сам С.М. Разумовский). Появление русских названий неожиданно внесло в плотный текст воздух и прозрачность, и, тем самым, облегчило его понимание не только ботаникам, но и специалистам других биологических дисциплин.

С.М. Разумовский удивительным образом сочетал свободомыслие с приверженностью догме (очевидно, в силу ортодоксальной традиции — он вырос в семье православного священника), а его человеческая скромность совмещалась с тем, что называют «смирением паче гордости» — отголосок ницшеанского культа «сверхчеловека», которому были подвержены русские юноши рубежа XIX и XX в. — феноменальный образец этого превращения — отец Павел Флоренский. К этому ряду мыслителей, как мне кажется, принадлежит и С.М. Разумовский. Корень этой традиции проник в русскую почву ещё столетием раньше — он восходит к натурфилософским прозрениям русских шеллингианцев — Любомудров, с религиозным благоговением постигавших устройство природы, при этом сочетая преклонение перед величием мироздания с рефлексией романтической иронии. Здесь сказалась творческая восприимчивость отечественных биологов к германской традиции, при этом она особенно ярко проявилась в лице её московских представителей. Рецепция этой традиции в Петербурге явно слабее — здесь немецкая линия была едва ли не избыточно представлена германоязычными академическими кадрами, и она вызывала скорее отторжение. Разумовский не был склонен к умозрительным построениям, он сочетал опыт тонкого полевого наблюдателя с крупными обобщениями теоретика. Однако дух некоторой герметичности его учения вкупе с обаянием ума, притягательностью его парадоксальной личности, обособили вокруг Разумовского круг приверженцев, стремившихся увенчать его едва ли не мессианским нимбом, — характерная черта реакции в условиях идеологического тоталитаризма позднесоветского времени. Мифологизация как альтернатива рационального знания и сейчас не только не преодолена, но и заполняет сознание обывателей, загромождая его разного рода клише и стереотипами. Творческая сила природы велика и разнообразна: реализуя, в том

числе, и предполагаемые человеком сценарии развития она неожиданно избирает путь непрограммируемый, и, таким образом, как и всегда, жизнь побеждает смерть непонятным для науки способом. Однако попытка исследователя моделировать природный процесс, преодолевая хаос, и есть бескорыстный и самоценный импульс познания. Научное творчество обретает в нём, с одной стороны, пафос вызова, а с другой — азарт игры. Перфекционизм Разумовского как исследователя был нацелен, прежде всего, на совершенствование методологии разрабатываемой концепции, на синтез огромного фактического материала, на полемически заострённые выпады против господствующих доктрин — «в этом притягательная сила идей и работ С.М. Разумовского, которые раскрывают пространственную и временную организованность растительного покрова Земли, по сути — структуру биосферы, и в наибольшей степени соответствуют системно-математическим принципам, проникающим в настоящее время во все области знаний» — как сказано в предисловии 1999 г.⁴ С этим трудно не согласиться, более того, идеи Разумовского обрели самостоятельное существование и настолько проникли в сознание его современников, что как будто бы лишились авторства. Восстановить приоритет крупнейшего фитоценолога и фитогеографа второй половины XX в. призвана эта книга.

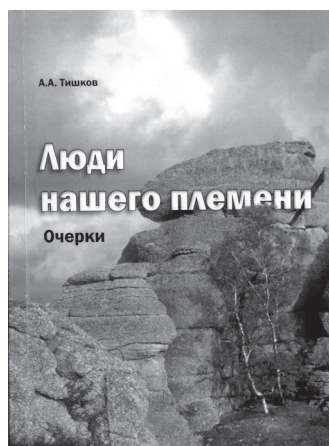
Биогеографы из Института географии

Н.Г. СУХОВА

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
ihst@ihst.nw.ru

Книга Аркадия Александровича Тишкова с легким названием⁵ и вычурными заголовками отдельных очерков посвящена серьезной теме. Автор рассказывает о своих коллегах по Институту географии Российской академии наук — в основном, о сотрудниках лаборатории биогеографии. Книга имеет мемуарный характер, но включает сведения не только о жизни, но и о научной деятельности коллег. Из воспоминаний можно узнать как о направлениях деятельности лаборатории, так и о взглядах на задачи географии.

Книга состоит из 23 очерков, среди героев которых А.П. Разоренкова (1903–1988), Ю.П. Исаков (1912–1988), Д.Л. Арманд (1905–1976), А.А. Насимович (1909–1983), М.И. Нейштадт (1903–1985), О.С. Гребенщиков

⁴ Авторы предисловия — геоботаник К.В. Киселёва и почвовед О.Г. Чертов — всегда оставались самыми преданными единомышленниками С.М. Разумовского.

⁵ *Тишков А.А.* Люди нашего племени: очерки об учёных — учителях, друзьях, коллегах. М.: Институт географии РАН, 2012. 276 с.